

Первый раз о «смерти» джаза было объявлено буквально сразу же после его рождения — в 1921 году. Тогда виновниками такого диагноза стали быстро завоевавшие популярность динамические танцы вроде чарльстона и фокстрота, которые-де должны были напрочь отбить вкус к джазу. И в последние годы о «старомодности» джаза нет-нет, да и заявят иные поклонники новомодных веяний типа «металлического рока». Но джаз не умирает. Более того, он обогащается новыми формами, новыми течениями, приобретает миллионы новых поклонников.

Пожалуй, трудно сейчас найти музыканта, который своим творчеством, своей жизнью настолько удивительно доказал бы неистощимые возможности джаза, его вечную молодость, как это сделал Дэйв Брубек. Известный во всем мире джазовый пианист и композитор не раз поражал смелым новаторством в музыке, постоянным поиском свежих интонаций, новых ритмических построений.

Эти качества отличали «романтика джаза» Дэйва Брубека на протяжении всей его более чем 40-летней деятельности. Еще в начале 50-х годов, создав свой знаменитый квартет с участием виртуоза-саксофониста Пола Дезмонда, контрабасиста Юджена Райта и ударника Джо Морелло, Брубек заставил по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о джазовых ритмах. И «взгляд» Брубека получил широкое признание — альбом квартета под названием «Тайм-аут», изданный в 1959 году миллионным тиражом, стал первым золотым диском в современном джазе.

В свои 66 лет Брубек и сейчас полон энергии — он беспрестанно ищет новую аудиторию для джаза. В последние годы высокую оценку как критиков, так и зрителей получили его сотрудничество с танцевальной группой Мюрри Луиса. «Музыка и танец», — писала об одном из номеров этой программы американская газета «Питтсбург пресс», — настолько слиты в единое произведение, что с трудом верится: ведь Брубек начал писать музыку уже после завершения Луисом работы над хореографией!.

— У джаза свой собствен-

ный музыкальный язык, — считает Дэйв Брубек. — Ведь основа джаза — импровизация, индивидуальное творческое самовыражение каждого музыканта. То, что вы слышали однажды, уже никогда в точности не будет повторено. И поэтому исполнение каждой джазовой композиции зависит от множества самых разных факторов: скажем, от событий прошлого дня, от дачи инструмента, акустики зала, но главное — от настроения. Вот почему я считаю,

Рассел Брубек и его квартет, 1987-2000 гг.

Дэйв БРУБЕК:

«Нас пятеро в квартете!»

В Советском Союзе с большим успехом прошли гастроли американского джазового квартета под руковод-

вом пианиста и композитора Дэйва Брубека, имя которого стало легендарным в истории мирового джаза.

что пятым, и самым важным участником нашего квартета, является аудитория. Аудитория — люди, которые как бы вместе с нами создают музыкальные образы. Этот пятый партнер квартета дарит нам энергию и вдохновение, без которых не может быть джаза.

Именно утонченное понимание аудитории помогает Брубеку обогатить джаз новыми ритмами и мелодиями, заимствованными из фольклора разных народов. Я вспоминаю пластинку «Джазовые впечатления от Евразии», появившуюся после гастрольной поездки квартета по многим странам. Там в музыке Брубека можно уловить и славянские корни, и индийские, и персидские. Недаром Дэйва Брубека считают человеком, который много сделал для сближения музыкальных культур.

— Дэйв, учитывая ваше обостренное «чувство аудитории», вы, очевидно, точно воспринимаете разницу между вашей публикой в разных странах. В чем, по вашим наблюдениям, состоит это различие?

— Чтобы понять разницу в аудиториях, не надо путешествовать по странам. Меня, например, могут встретить совершенно по-разному в одном

городе, даже в одном квартале. Скажем, мы часто играем в нью-йоркском концертном зале «Карнегихолл» — там у нас одна публика. И совершенно другая — в церкви за углом, где ежегодно вот уже в течение десяти лет мы играем «Рождественскую кантату». А через несколько кварталов в зале для наших совместных выступлений с балетной труппой нас встречают совсем иначе. Так что все зависит от уровня подготовленности публики. От того,

насколько те или иные люди любят и разбираются в музыке, а отнюдь не от их национальности.

— Были ли гармоничны ваши отношения с советским «пятым участником» вашего квартета?

— Мне и раньше приходилось слышать о чуткости, выскателности и высокой культуре вашей публики. Однако прием, оказанный нам в Советском Союзе, превзошел все ожидания. Признаюсь, что приехать в СССР и выступить здесь со своим квартетом — это исполнение моей мечты. Ведь я с детства полюбил музыку русских композиторов. А через нее ощутил духовное родство с русским народом. Да и джаз, по-моему, роднят с музыкой России высокая внутренняя напряженность и экспрессивность, рожающие благородное волнение.

— Если бы вы захотели выразить свое отношение к СССР музыкальными образами, как бы вы это сделали?

— Дело в том, что на концертах в Москве, Таллине и Ленинграде я не раз пытался языком музыки отдать дань уважения вашей стране. В своих импровизациях я «цитировал» (есть такое выражение у джазовых музыкантов) и Стравинского, и Чайковского, и Шостаковича.

Не обошел стороной и прокофьевского «Петю и Волка».

— Я слышал, что оба ваших брата тоже выбрали музыку делом своей жизни...

— Действительно, Говард — довольно известный пианист и композитор, нередко я исполняю его произведения. Кстати, Говард сопровождает меня и в нынешней гастрольной поездке. Старший брат (он недавно умер) тоже был хорошим музыкантом.

— Можно сказать, что музыка стала для вас своего

рода «семейной профессией»...

— Но в первую очередь мы должны благодарить за это нашу мать. В свое время она мечтала о карьере пианистки. Занималась у одной из самых известных преподавательниц музыки. И вот однажды в разгар занятий мать вдруг прекратила игру на рояле и посмотрела за окно. «Что случилось?» — спросила именитый педагог. «Простите, я просто увидела за окном ребяташек». — «А у вас есть дети?» — «Да, трое сыновей». — «Почему же вы еще думаете о музыкальной карьере? Возвращайтесь к своим детям — это ведь гораздо важнее карьеры!» И мать с тех пор посвятила всю себя семье, стала простой учительницей музыки, научив чувству прекрасного и нас, ее сыновей. Именно от матери я впервые услышал музыку Шопена и Чайковского, Баха и Бетховена, Дебюсси и Равеля.

— Дэйв, а что бы вы посоветовали тем родителям, которые во что бы то ни стало пытаются дать музыкальное образование своим детям, даже если у них нет к этому ни таланта, но даже просто склонности?

— Думаю, что дети, занимающиеся музыкой «из-под палки», — это несчастные дети, которые в будущем могут

стать несчастными взрослыми. Порой трудно сказать, какой путь воспитания является единственно правильным. Однако несомненно, что заставляя сына или дочь заниматься тем, что им не по душе — это явно порочный путь.

— У вас самого дочь и пятеро сыновей, четверо из которых стали музыкантами. Приходилось ли вам вместе с ними выступать на концертах?

— За свою жизнь я гастроллировал и записался на пластинки с разными составами музыкантов. А в течение двух лет мой квартет был целиком семейным — «два поколения Брубеков»: со мной выступали сыновья Дариус, Крис и Ден. Крис и сейчас в квартете — он играет на бас-гитаре и тромбоне. В СССР со мной также приехал мой старый друг и великолепный кларнетист Билл Смит, а на ударных у нас играет Рэнди Джонс, который начинал свою карьеру в качестве исполнителя рок-музыки. Но затем увлекся джазом. Кстати, я мечтаю о том дне, когда мне удастся собрать вместе своих четырех сыновей-музыкантов и организовать семейное турне. Так что не исключено, что и в Советском Союзе еще воочию убедятся в том, какая у Брубека большая семья!

...В разгар концерта я оказался за кулисами. Из зала взволнованную тишину сопереживания большому искусству то и дело взрывали аплодисменты, восторженные восклицания: «Браво, Брубек!», а там, за кулисами, пристроившись за узким столиком артистической комнаты, склонился над партитурой импресарио квартета — дирижер Рассел Глойд. Он то напевал мелодию, то принимался дирижировать невидимым оркестром, то делал пометки в нотах.

Там, за кулисами, Рассел Глойд спешил — ведь не пройдет и двух недель, как другой крупный зал разразится аплодисментами в честь триумфа неутомимого Дэйва Брубека. Здесь уже его квартет выступит совместно с симфоническим оркестром и балетной труппой. Седовласый маэстро не мыслит себя без вечного творческого поиска.

Поистине, «Браво, Брубек!». Джаз не умер.

В. КИСЛОВ.

Ленинград.